

18+

Evgenii Shan

Ясное солнце Алтая

Повесть

Evgenii Shan

Ясное солнце Алтая. Повесть

«Издательские решения»

Shan E.

Ясное солнце Алтая. Повесть / Е. Shan — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909362-2

Повесть о сибирской горной тайге, кедрачах и людях, живущих в этих диких местах. Людях разных, но которых объединяет любовь к родной земле, тайге. Трудности и радости быта лесных посёлков.

ISBN 978-5-44-909362-2

© Shan E.

© Издательские решения

Содержание

Долгая зима	6
Тот самый август	8
Село Турачак	10
Тёмная долина	14
Гой ты Русь... (о ностальгии)	17
Люди Байгола	19
зима. Химдым	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ясное солнце Алтая

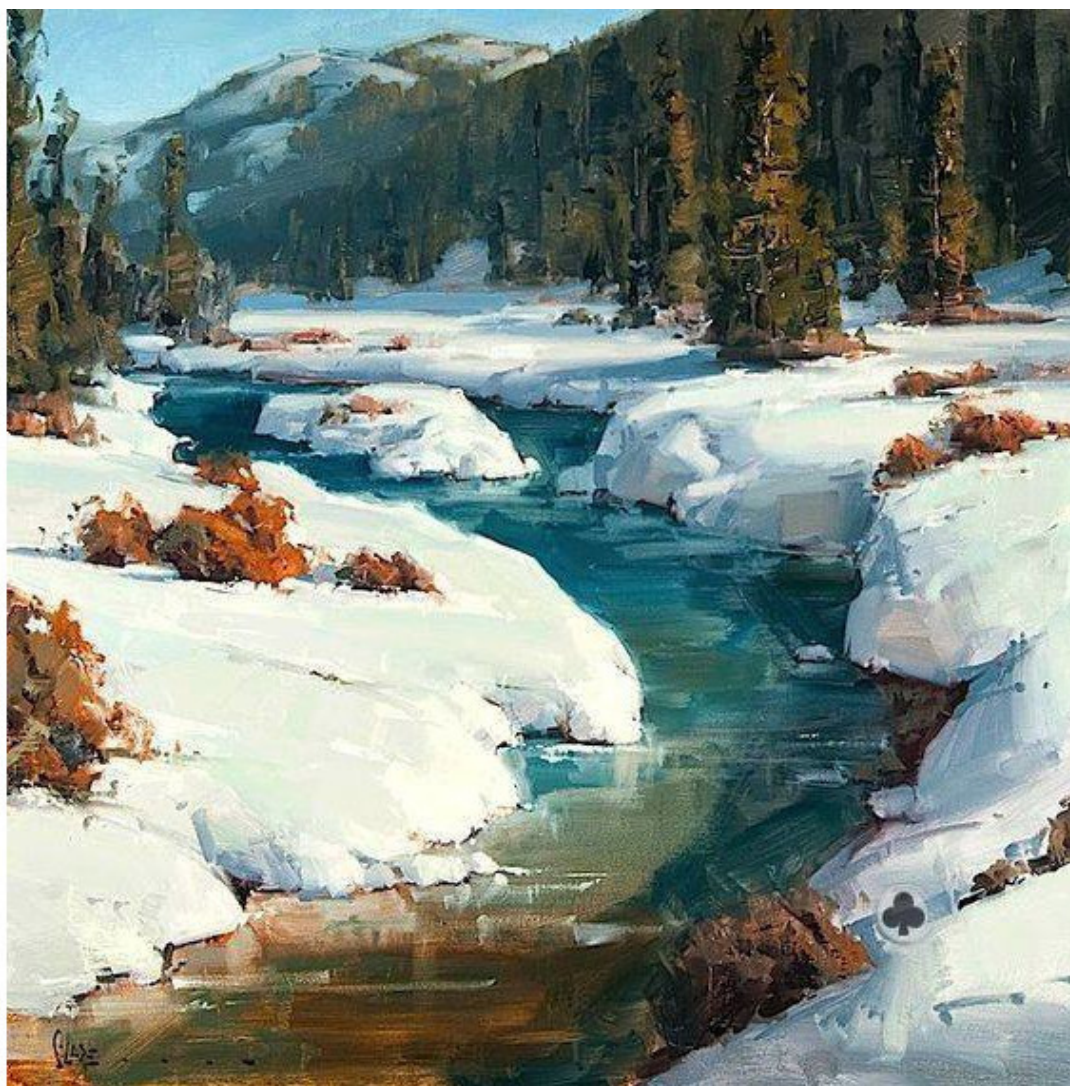
Повесть

Евgenii Shan

© Evgenii Shan, 2020

ISBN 978-5-4490-9362-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аталык и Садра (картина американского художника Josh Claire)

Долгая зима

«Утром заснеженным я злой и невежливый курю натошак,
Тешусь надеждою прыгнуть по-прежнему с работ на барак,
Если не выгорит, там где-то выпадут чифир согреть...

Лучше конечно бы, выспаться где-нибудь, сон досмотреть.» ...Старый лесник сидел за столом, подперев щеку кулаком, и слушал старенький магнитофон. На столе початая бутылка водки, крупно нарезанный хлеб, свежие огурцы.

В памяти всплывали таёжные урманы, снег по пояс, ревущие трактора на волоках, пальца инстинктивно начинали ныть вспоминая мороз, который пробирался сквозь рукавицы и верхонки. Снег блестел на солнце ослепительно, и от этого становилось ещё холоднее. Ясный день поворачивал на мороз, а ночь рвала с треском стволы берез, глухо ухал лёд на Байголе.

– Петрович, иди чаю глани, – крикнули из балка. Под ичигами торопливо заскрипел снег. Даже минутная остановка на таком морозе сразу отдавалась в пятках холодом. Десятница сегодня не вышла на работу и принимать хлысты, которые притягивал трелёвочник приходилось мастеру. За эти несколько месяцев кого только не подменял в бригадах – и чекеровшиков, и огрѣбщиков, постепенно учился и валить лес. А по утрам так не хотелось просыпаться под одеялом у тёплого бока жены, но холодный пол избы, выставший за ночь, быстро приводил мысли в порядок. Ледяные ночи растягивались по всему утру, освещѣнные фонарями на вышках гаража и лесопункта. ЗИЛы с будками увозили бригады в лес, и только там их заставал рассвет. Промерзшая техника не хотела заводиться, костры из тряпок пропитанных саялой долго коптели под тракторами, а работяги пили чифир в будке водогрея и пересказывали все вчерашние новости. Дым папирос плотно висит в тѣмном балке. Запах прелых портянок и крепкого чая. Неспешный разговор иногда прерываемый хохотом. Лучшее средство скрасить тяжесть предстоящей работы – сально пошутить или рассказать анекдот.

– Петрович, тебе надо валенки на три размера больше, а то прыгаешь как кузнечик по штабелям от мороза. Прихватывает ноги та? – смеялись старшие над мастером. Пашка-вальщик отдувался с похмелья и глотал крепкий чай, заваренный старым такелажником-зеком Бредихиным..

– Лѣшка померяет сегодня за десятницу. Пошли со мной сегодня кедры валить, пригодится в жизни – позвал с собой Пашка мастера.

Башлам. Старый Курускановский участок подсочки, кедры в полтора-два обхвата. Засмоленные баррасом кары, как рыбы скелеты на стволах, раны истекающие живицей, теперь уж зажившие. Но пришѣл черед и этому лесу. Пашка Зверев, вальщик – один из лучших на лесопункте. Норму успевал за полдня выполнить, остальное время в балке в ази играет. Есть у него чему поучиться.

– Здесь без гидроклина нельзя, не передавим, лес висит в другую сторону – поясняет, деляя запил по стволу. УРАЛ работает натужно, сизый дымок скапливается в лунке разгребенной вокруг комля могучего великана, светло-розовые опилки веером сыпят под ноги, прилипают к сукну куртки.

– Теперь блинчик этот выбить и спил с другой стороны... ровненько. Ты не плошай, пособи чуть, гидроклин вовремя в рез, а я ещё плечом поднадавлю.

Один кедр, второй, третий громко ухнув падают в снег, поднимая тучу перемерзшей снежной пыли. Перекурили, перешли к следующей куртине. Кедры закомелистые, лапами корней упираются в лесную подстилку. Уже и блин запила вылетел в снег, спил идѣт ровно, гидроклин вгрызается щечками, расталкивает древесину. Да полуденный ветерок качнул крону великана, мягкая древесина сминается над клином, и рез не хочет расходиться. Дерево давит на плечо вальщика, не хочет падать.

– Петрович, пособи, он меня придавит, – хрипит Пашка. Мастер с перепугу упирается обеими руками в ствол, но держать и вдвоём ничуть не легче. Чувствуется тяжесть, мощь дерева, каждое движение ветерка в кроне, каждая дрожь по стволу, каждый миллиметр, градус, секунда наклона... дерево давит на людей, которые пришли его свалить... Ветер стих, кедр поддался людям, глухо рухнул в снег поднимая вокруг себя вьюгу. Пашка опустил руки и смотрел вдаль невидящим взглядом, у обоих руки и ноги дрожали мелкой дрожью, отходя от напряжения.

– Пойдём, Жень. Хорош с нас на сегодня, – выдохнул наконец вальщик. Побрели в балок таща на себе оборудование, которое чуть ни подвело. Даже ази в тот день не интересовало так, как раньше. А ведь должно было везти в картах, после такой то удачи. Считаю жизнь на волоске была.

Долгая зима продолжалась. Морозы стягивали лицо, вымораживали сквозь суконные куртки. Вольные ли, зеки ли, расконвойные ли. Тяжесть работы от условий жизни не изменялась. И подспудно хотелось схитрить, не пойти на работу, выискать себе что полегше. Каждое утро вспоминались эти морозы, тяжесть снега на ветвях, глубина его от дерева к дереву. Тяжесть пилы и клина, которые углами давят на спину через бушлат. Расходившись днём, поправившись чифером, посмеявшись с работягами, каждый вливался в обыденность, работал. Но каждый вечер тяжёлым грузом ложилась эта работа на плечи, что б сжать сердце утром, заставить застучать в мозгу шальным мыслям.

К февралю начинает крутить ветрами, играть вьюгами, засыпать зимники и дороги. Качается лес, качают шапками кедры в сером небе. Кажется, что и не выходило солнце сегодня, серая мгла и колючий снег горстями в лицо. Редкие дни просвет в небе, и опять вьюга и ветер рвет верхушки кедров и пихт, гудит в поселковых трубах, метёт по улицам. Только в распадках лесных чуть тише, туда и наматывает за зиму снегу, что по горло.

И все лесные люди тяготятся долгой зимой, переживают её на долгом терпении. Весь леспромхозовский народ знает, что зима – самая работа и самые заработки. Мороз сковывает болота, позволяет проложить зимник в самые дальние уголья, позволяет взять лес оттуда, откуда летом его не вывезешь. Тяжёлая работа от света до света, в лютые морозы и без выходов ровняет всех, кто связан с лесозаготовками. Ровняет вольных и зеков, ровняет и подгоняет под одну планку плохих и хороших, добрых и злых. Делает соратниками и братьями поневоле. От того они все и похожи привычками и ухватками, достоинствами и пороками. Тяжелый труд изматывает и заставляет иногда забыться в пьянке, дать чуть отдохнуть душе и телу от непосильного напряжения.

От воспоминаний у старого лесника сжало сердце и руки как будто морозом стянуло, заоченели пальцы на минутку, остыли пятки вспоминая, как примерзали портянки в войлочных китайских бурках. Он потянулся за стаканом, налил в него по краю и выпил длинными глотками.

«Долгая зима, вьюга кутерьма, в сердце лёд. Ветер загулял, воеет как шакал, вышки рвет...»

Тот самый август

Тот самый август, сияющее солнце и пыльная зелень тополей на проспекте Ленина. Сквер скатывающийся к Оби потрескавшимся асфальтом и скамейками пешеходной части. Грязный родной железнодорожный вокзал Барнаула с двумя зданиями, большим и маленьким, которые возвращали своим видом к Красноярску, Абакану, да и вообще в конец XIX века. Все вокзалы того времени похожи, как родные братья и сестры, и лишь немногие стали видоизменяться теперь, но все равно не потеряли этой узнаваемости. Солнце припекало на прощание перед осенью, перед крестьянской страдой. Оно грело плечи, заглядывало в лицо и улыбалось, улыбалось, как родному. Белая модная куртка из плотного бумажного полотна с приколотым значком-ромбиком, потертые джинсы и новые кроссовки «Botas», небольшой рюкзак в руке.

– Ну вот и я.

– Привет, – ответило солнце.

– Не подскажите, как до улицы Пролетарской доехать?

– А вон трамвайная остановка, там у кондуктора спросите. Только вправо надо ехать, а не влево, – удивили своим радушием прохожие.

Управление Лесного Хозяйства, куда было выдано направление, было пустынно после обеда. Как я потом понял, летом, да еще после обеда, в лесных департаментах не бывает никого

почти. Лесники народ занятой, нечего делать в кабинетах, когда лето – самая рабочая пора в хозяйстве. У зам начальника Управления по кадрам получил направление и поехал опять на вокзал. Деревня Песьянка, село Заводское Троицкого района, поезд отходит в 19 вечера, народ у кассы пошарпанный, явно леспромхозовский, испитой. Лица с признаком присутствия тюркских кровей, что-то неуловимое в раскосости глаз, в коренастых фигурах. Дотолкаться до кассы удалось не сразу, какие-то две женщины потрёпанного вида пропустили вперёд, узнав что еду в Песьянку. Само это название, отзвук прошлого, послужило уже как пропуск.

– Вот правильно называешь, не Заводское, а по-нашенски – Песьянка. Работать едешь?

– Не знаю ещё.

– Уу... оставайся, девок у нас много!

Поезд пришёл на станцию ночью. Как это и водится, все разбежались по темноте, на перроне остался один. Маленькая комнатка станции оказалась открытой. Два деревянных дивана, обычные для всех станций, бак с питьевой водой. Уже привычно сунул под голову рюкзак и заснул. Наутро переговорив с главным инженером леспромхоза, от должности отказался. Не поглянулось мне это место. По совету молодого мастера в местном лесопункте, сразу потребовал жильё, как указано в направлении, в результате получил открепление.

Возвращение в Барнаул из Троицкого получилось тяжелым, в пасмурную погоду. Трассу закатывали свежим асфальтом и, сначала у одного автобуса выбило камушком лобовое стекло, потом и у второго. Только третий автобус, с большим опозданием привёз в столицу хлебного края и ночевать опять пришлось на вокзале. Скучность багажа и короткая стрижка несколько раз за ночь привлекала внимание милицейского патруля. Кто знает, как сложилась бы судьба, останься я работать в Заводском, в Песьянке, в лесостепи и лесных колках. Зам начальника по кадрам выдал новое направление в Горный Алтай Байгольский лесокомбинат и, как-то странно посмотрел на меня.

– Я там родился недалеко. В Турачаке.

– Я и хочу в горы, к кедром.

– Ну с богом тогда, кедром там полно.

Вся система Алтайского управления оказывалась для меня новой. Единственного управления лесного хозяйства России, которое занималось лесозаготовками. Назвали такие предприятия лесокомбинатами, стыдливо прикрыли свод кедровых лесов «комплексным лесопользованием», организовали даже знаменитый Кедроград в Прителецкой тайге. Лесничие, лесничества попадали в подчинение к директору лесхоза или лесокомбината. Два зама – главный лесничий и главный инженер, два антагониста. Но название «лесокомбинат» не освобождало от плана на древесину, лесное хозяйство становилось побочным, главное – кубы леса. План у Байгольского лесокомбината по древесине был тогда 110 тысяч кубометров на год.

Поезд до Бийска ночью. Поздним утром с пристани на «Заре» вверх по Бие. Утомительно и сонно, полдня в душном салоне. Река Бия напоминала Енисей только галечными берегами, но скоро начались и скальные выходы, стало более походить на родные места. Бия бурлила на перекатах, но порогов не было и «Заря» упорно лезла по искрящимся струям на юг. Солнце опять играло и дразнилось концом лета. Наскоро выкуренные папиросы на редких стоянках радовали, и жизнь казалась опять радужной и обещающей привычное лесное житьё. Наконец катер ткнулся в маленький пятачок галечного пляжа, над которым нависали окатанные внешней большой водой камни, скалы, выползшие к реке, серо-красные, знакомые по «Столбам». Турачак.

Село Турачак

Высокое крыльцо Турачакского леспромхоза. Заезжая изба, гостиница. Крыльцо выходило в маленький сквер с высокими золотоствольными соснами и мягкой травкой. Было тепло и уютно. Будущее не пугало, всё вокруг было залито ласковым августовским светом, таким знакомым и родным. Деревянные двух или четырёх квартирные бараки перемежались с крепкими избами из почерневших брёвен. Крашенные полисадники с рябинками и цветками Космеи напоминали бабушку Анну и старый Енисейск. Но было и что-то неуловимо незнакомое, что настораживало, отличало от родных мест. Наверное то, что дворы были все открытые, не было кержацких высоких заплотов, больше скатывалось к полустепной жизни.

Суббота, а автобус на Байгол только в понедельник. Появившийся откуда-то попутчик оказался давним знакомым директора, к вечеру дозвонился до него и тот приехал забрать нас на маленьком УАЗе с кузовом. С нами в кузов еще угодил местный парень Володик Сумачков по прозвищу «моторик» и, мы поехали. По капризу судьбы, мой отъезд из Горного Алтая по прошествии шестнадцати лет тоже прошёл в компании с Володиком.

Переночевали у директора дома. Жена его оказалась с Ачинского района, боле того, с Птицефабрики. Совсем рядом с Черёмушками. Назавтра поселился в местной гостинице, в большой комнате на несколько кроватей. Должность тоже дали отнюдь не помощник лесничего, как было указано в направлении. Такая долгая дорога в самую глубину тайги Горного Алтая, в Прителецкую тайгу, забрало все силы. Возвращаться уже не хотелось. Так я и остался на эти годы в горной тайге, с людьми, которые были хозяевами и частью этого лесного края. Самая ближняя точка к вершине Абакана, треугольник между Саянами, Алтаем и Кузнецким Алатау.

Кроме меня в Бийке, так называлась центральная усадьба Байгольского лесокомбината, было еще четыре молодых специалиста. Три парня и одна девушка, с Марийского Лесхозинститута. Два Женьки, я третий, Люба и Валерка, который уж в ноябре сбежал в армию. Они были распределены мастерами по Бийкинскому лесопункту, я в Чуйкинский лесопункт, как опоздавший. Но прежде всего, как всегда водилось в советское время, всю молодёжь отправили на помощь совхозу убирать сено. Деревня Иткуч стала нашей отправной точкой в таёжной жизни и началом знакомства с местными. Всего два дома, две семьи жили в этой заброшенной деревеньке зажатой между горами, но на лугах речки Клык от впадавшей Чуйки на заливных лугах сена накашивалось много. За день мы успевали свершить шесть-семь зародов. Две конторских женщины на стане в Иткуче варили нам наваристый борщ, и мы были рады работе, ласковому августовскому солнцу и новым приятелям.

Ну а затем начались дожди, а вместе с дождями «тушкен», так назывался ветер и само время, когда шишка с кедра падает на землю. Готовили и мы орехи немного, но больше баловались. Для местных же это был отдельный заработок. Мы втянулись в жизнь посёлка, а сама работа в лесу еще не торопилась начинаться. Зимники, которые готовили с лета, ждали морозов. Этих морозов ждали и рабочие. Нам, молодым мастерам, они виделись чем-то далёким. Мы знали, что зимой самая страда у лесорубов, но не могли это еще прочувствовать, относились беззаботно. Для того, что бы понять всё, нам потребовалось пережить эту первую зиму. Жил я всё ещё в Бийке в гостинице. Мне выделили отдельную комнатку, я обустроился и был доволен. Каждое утро я просыпался и шёл от посёлка до устья Башлама, метров пятьсот от заправки ГСМ, там ждал подъезжавших своих рабочих и мы поднимались в лес, на верхний склад.

Верхний склад – несколько малых бригад состоявших из трёх человек и трактора, столовая в маленьком балке и десятица, что принимала стрелёванный лес. Верхние болота в кедрачах, потревоженные гусеницами тракторов, вылезали на поверхность голубой глиной.

Трактора вязли на волоках, ТТ-4 постоянно терял гусеницу, Т-100 были крепше, но и им приходилось менять волока ежедневно. Штабеля росли медленно. Все ждали зиму.

Пришла зима. Первая зима заставила понять многое. Научила многому, остудила романтический пыл, добавило расчётливости не только в работе, но и в обыденной жизни. Что только не случилось за эту зиму. Субботники в ноябре на нижнем складе для сбора денег на ремонт клуба, где все здорово сдружились, и местные, и приезжие. Приезд азербайджанцев и молдаван в самом конце осени перед зимней страдой. Бригада хохлов, в которой работал и мой друг в последующем, Михайлов Петро Владимирович. Работы в мороз и уже весеннюю оттепель. Вывозка леса с зимних площадок «наверху» по ночам, так как зимник вдруг стал резко «падать». В эту зиму я переворачивался на МАЗе, попадал под удар лесиной по МАЗовской кабине, ссорился и мирился с рабочими. Выпивал с друзьями молодыми мастерами, молодыми учителями и местным физруком, играли по полночи в карты. Заработал здоровую ссадину на лбу, когда возвращался домой по тёмной улице.

То, что свет выключали по осени в одиннадцать часов вечера не было для меня чем-то особенным. В нашей Енисейской глубинке было именно так, дизеля заводили только на то, чтоб пропустить молоко на молоконке. Здесь дизеля заводили, чтоб люди смогли приготовить ужин, посмотреть телевизор и улечься спать. Мы играли в карты с керосиновой лампой, но в один день я решил попасть домой пораньше. Вышел от Кольки Чапаева и наших молодых учителей со светом и пошёл по хлябющему тротуару в свою сторону. Поздняя осень и грязь на дороге, возможность перепрыгивать, по всё еще сохраняемым дощатым тротуарам. Я торопился. Вдруг полная темень. Движок заглушили минут за десять до положенного часа. Тот кто видел октябрьские ночи, тот поймёт. Хоть глаз коли. Через несколько шагов оступись с тротуара и влетел лбом в единственную коновязь возле дома старика Горенкова. Искры посыпались с глаз.

– Ну ты с кем вчера подрался, Петрович? – смеялись рабочие.

– С коновязью по темноте, – отшучивался я. Наверное, так и не поверили, потому что на ближайших танцах приехавшие пацаны с Чуйки наказали бийкинским.

– Нашего мастера не трогать! Голову оторвём! – как ни странно, пацанов с маленького посёлка уважали и побаивались за их сплочённость. Чуйка была населена в основном русскими, потомками кержаков.

Маленькая Чуйка, спрятавшаяся на пологих склонах с лугами вдоль речки, открылась мне крытыми дворами и почерневшими избами. Рядом с конторкой лесопункта и магазином располагалось несколько двухквартирных барачков, характерных для леспромхозов. Но остальные избы были именно избами. Зайдя в гости к своему техноруку Мишке Паршукову, я отчётливо ощутил знакомый запах, который описать невозможно, как невозможно и забыть.

– Мишка, вы кержаки?

– Да нет, – протянул он обескураженно.

– Да чо там. Что я не чую что ли.

Еще больше это впечатление укрепило от посещения двора начальника лесопункта Георгия Ивановича Худякова. У того все было налажено именно так, как я и привык видеть дома. Да и сама деревня показывала, что здесь люди селились всегда. Были и покосы, и даже заброшенная пашня, часть из которой, та что ближе к посёлку, отвели под лесной питомник.

По окончании зимы я женился. Свадьба прошла в марте, и я окончательно осел в Бийке, а затем был переведён из Чуйки в «химдым» – Химлесопункт старшим мастером по добыче кедровой живицы. Правда, перевод мой прошёл при весьма исключительных обстоятельствах. Можно сказать экстремальных, но как я сейчас понимаю, больше комических. С наступлением весны нас перебазировали в Булгарыч на летние деляны. Отъездив в апреле по ночам свои дежурства на вывозке, отработав несколько авралов на нижнем складе в бригаде азербайджанцев, я перебазировался. Технорук показал мне деляну, уехал. Я остался ждать трактора, кото-

рые шли своим ходом. Пошли мы с Пашкой Зверевым, моим первым учителям, смотреть визиры. Только поднялись на горочку, вспугнули пару рябчиков, дальше пошли, еще рябчики.

– Много здесь дичи, даже ток глухариный где тут есть.

– Давай соку березового попьём.

– Давай, – Пашка завёл пилу и резанул по большой берёзе. Сок хлынул ручьём, только кружку подставляй.

Назавтра я снарядил свою двустволочку вертикальную. Пока трактора располагались и устраивались на стоянку на погрузочной площадке, я пошёл в деляну искать рябков вчерашних. Несколько выстрелов и пара тушек в рюкзак. Надо к обеду спуститься, да распорядится по работе.

– Все приехали? – спросил у работяг.

– Все. А тут еще и Пиряев приезжал, – ошарашили меня трактористы. Пиряев – главный инженер лесокомбината, который делал попытки опираться на молодые кадры, но так и не сумев это сделать, начинал в то время закручивать гайки. На следующей планёрке я был понижен в должности и отправлен на нижний склад сучкорубом за нарушение трудовой дисциплины.

Отработал по самой весенней грязи и дождался уже сухого лета в июле. Клык успокоился и бежал серебрянными струями. Пихтовые баланы приходили малыми партиями и пахли пьяно. Мы работали неспешно. Выждав свои положенные одиннадцать месяцев для первого отпуска, я пошёл к директору. Зозин понимал, что наказывать молодого специалиста никто не имел права. То, что я вытерпел работу, возможно, вызывало уважение. Я настраивался на жёсткий разговор. Либо лесничество, либо я уезжаю с семьёй отсюда. Конечно, уезжать я не собирался. Весеннее солнышко радовало и семейная жизнь только шла в гору. Но ультиматум собирался выставлять. Директор понимал это и сразу предложил после отпуска переходить старшим мастером к вздымщикам, в пару к опальному постоянно Савчуку Петру Тимофеевичу, бывшему лесничему и человеку для начальства неудобному.

Вот так я и остался жить в этом кедровом краю, в этой долине зажатой между двумя горными хребтами, на слиянии двух золотоносных речек. Были дни весенние, когда уже в марте при морозе ниже двадцати с солнечной стороны крыши вытягивались сверкающие сосульки аж до земли. При выезде на большую землю горных жителей сразу узнают по их весеннему загару, как вроде они уже с черноморского побережья приехали. Солнце в горах сильное, особенно если оно усиливается отражением от девственной белизны снегов. Были и летние тёплые яркие дни, тёплые ночи, когда можно было сидеть в одних трусах на крыльце и безмятежно курить прихлёбывая чай. Покосы, когда своя сила радуется, и радуется труд, который материализуется в копнах и душистых стогах. Были осенние затяжные дожди с ожиданием снега и мороза, так как надоедает темень и слякоть. когда вдруг просыпаешься утром от белого света в окне и сердце замирает. Снег, пороша. Ожидание охотничьего сезона, ожидание зимнего периода заготовок леса.

Тёмная долина

Долина слияния двух речек Бийки и Клыка не была местом, где селились люди. Здесь не было места для пахотных полей, здесь не было обширных покосов и пастбищ. Но горные реки несли в себе кварцевый песок, здесь было золото. Сначала были дикие старатели, но после Советская Власть решила всё взять в свои руки и золото стали добывать из шурфов заключённые. Много лет протянулось с тех пор, а посёлок так и остался таёжной зоной. Леспромхозы в послевоенные годы наступали постепенно на кедровую тайгу, двигались всё глубже. Верх-Бийск, Азван, Кайнач – короткими сильными перебежками. Рубка кедров возмущала народ в европейской части России, под неё придумали особую систему лесокombинатов. Создали знаменитый Кедроград, который так и не спас кедровую тайгу.

Последний бросок был длинным, минуя старую кержацкую деревеньку Чуйку, вглубь к тёмной долине слияния двух речек. Вот она – Бийка. Небольшая котловина, уже обжитая, с небольшой сопкой посередине, с которой удобно было наблюдать за всем, что происходит в посёлке. Деревянные бараки из бруса приютили семьи лесорубов со старых мест и новых, сбежавших от бедных совхозов. Место мокрое, выше по речке большое болото. Шутили – «туча от одной горы до другой стучается, отскакивает, так и летает, пока вся ни выльется». Место тёмное, в зимнее время солнце едва успевало выглянуть из-за одной горы, как тут же пряталось за другую. Летом день был немногим длиннее. Далёкая лесная командировка.

Но леспром люди потому и леспром, что такое житьё им на роду написано. Тяжёлая работа в мороз на верхнем складе и внизу на плотбище, подготовка зимников летом, сплав весной. В свободное от работы время пропивать то, что заработали, драться до крови и садиться в тюрьму. Из одной зоны в другую. До райцентра 100 километров через два перевала, которые зимой заносит снегом, а в дожди смывает мосты. Новые волны переселенцев появлялись с новым директором. Каждый привозил с собой свои кадры, отличных работников, вальщиков и трактористов, но они быстро смешивались и нивелировались с общей массой. Кто смог не смешаться, за пару сезонов зарабатывали на машину и уезжали, но таких посёлок помнит немного.

Но среди этих людей леспромхоза постепенно выпестовывалась порода таёжников, для которых кедрачи были родным домом, а далёкие перевалы возможностью быть ближе к небу. Они занимались охотой и рыбалкой, а для записи в трудовой книжке работали вздымщиками и лесниками. Лесхоз находился в подчинённом положении у леспромхоза, потому лесоводство спускалось на тормозах. Пожары в этом сыром краю случались крайне редко. Ещё один зримый источник дохода и радости общения с тайгой – орех. Орех в этих местах рождался часто. Разный возраст урочищ, по-разному и плодоносили, нет ореха в одном, значит есть в другом. И Бийка всё равно была мила сердцу, было куда вернуться к семье, согреться в доме и обнять ребятишек. Поднявшись на сопку летом посмотреть на зелёный вид гор окружавших улицы, а зимой согреться видом дымов. И было это сердцем этого таёжного края по имени Байгол. И имя это с гордостью произносилось во всех уголках республики, как самое глухое место в Алтайской тайге. От него и до Лыковых было полтора дня ходу всего.

Постепенно привыкая к этому житью, втягиваясь в общий ритм, не ощущаешь стылости дней и одиночества ночей, понимаешь это только много позже.

Никогда городскому жителю не понять ночи. Постоянно сверкающие огни даже в затишье не дают того ощущения пустоты и таинственности, которая опускается на мир после захода солнца. Всё изменяется, становится другим не только визуально. Наступает магическое время Луны. Тени от этого ночного светила длинные и черные, какие никогда не бывают при солнечном свете, а освещённые места непонятны дневному жителю. Только ночные звери могут правильно ориентироваться в этой игре света и тени. А тишина? Ночная тишина совершенно

отлична от замершего мира при солнечном свете. Короткие случайные звуки отдаются гулким эхом, как в бочке, и падают вниз камнями, а не разносятся далеко.

Луна золотой денежкой выкатилась из-за Аталыка и проложила серебряные лучи между деревьев на снегу. Сам диск цвета белого золота начал наливаться ещё большей белизной с подъёмом светила над верхушками кедров, а тени не становились короче. Только резче пролегла граница между ними. Мне надо было идти до соседней избушки. А почему нет, когда в тайге стало светло, как днём. Но свет этот оказался обманчивым. Таинство ночи изменяло всё вокруг, сжимало и растягивало пространство, непонятным образом воздействовало на время. Незаметные перепады на пути теперь оказывались серьёзной проблемой, а ровные участки вдруг становились крутым спуском и наоборот. Звуки тайги замерли. Зима, мороз. Тайга наблюдала за мной, справлюсь ли я с незнакомой задачей. Неслышно скользнула тень совы. Лёгкий ветерок шевельнул самые верхушки и опять замер. Камус на лыжах скрадывал и мои шаги. Но надежда на то, что я увижу соболя, который любит охотиться ночью, была слабая. Путь, который днём занимал 30—40 минут, растянулся на 2 часа. Чёрная изба в распадке возникла неожиданно, хотя казалось, эти места мне знакомы несколько лет.

Видеть ночью надо учиться, а лучше научиться слушать. Зрение у всех жителей тайги – чувство только вспомогательное. Вот и мне оно доставляет удовольствие видом гор и кедрочей, а основные чувства обостряются и служат более верно. Как в тот раз, когда пришлось возвращаться по руслу замерзшей реки в предновогодние дни. Вечером побегал снимать в капкане попавшуюся норку, а зимний день короток. Ночь опустилась и накрыла всё своим одеялом. Луны нет, облачно, оттепель. С трудом различая берег я шёл по льду Байгола. Того самого, что вытекает из озера в базальтовых скалах на границе с Хакасией, порогами проходит по тайге и набрав силу, вливается в Лебедь, в Бию. Холодная вода холодна всегда. То что чуть теплее нулевой отметки летом, ломит зубы кристальной чистотой. То что чуть теплее нулевой отметки зимой, сразу же разъедает лёд, если мороз перестает сковывать его. Предновогодняя оттепель до лёгкого морозца позволила Байголу сразу же промыть полыньи на перекатах. Я не полагаясь на зрение, только чуть различал берега покрытые лесом, шёл на слух и, осязая ногами накатанную лыжню. Весёлое журчание полыньи коснулось уха. Чиркнув спичку, я увидел концы лыж нависших над чёрной водой.

Город ночью не спит. Таёжные посёлки, деревни выключают свет и затаиваются в соответствии с законами тайги. Тут ночь правит единолично и устанавливает свои правила. Слабый взлай одинокой собаки только углубляет тишину. Скрип снега под ногами только усиливает чувство одиночества в этом мире. Мои ночи – это зимний Алтай, кедровая тайга и посёлок, зажатый между двумя тёмными хребтами. Может потому что день – лето на Енисейском Севере. На Севере не бывает ночи летом, а зимой не бывает дня. Зимняя ночь в тайге и посёлке одинакова по своим ощущениям. Это магия параллельного пространства. Другой мир, который заглядывает с чёрного неба в реальность, в твою жизнь. Грозит обрушиться всей своей чудовищной властью. И это чувство в посёлке только острее, потому что в тайге ты подобен уже зверю, живёшь по ночным законам. В посёлке ты одинок и незащищен перед ночью. Одно спасение – дом и семья. В пустом доме чёрной ночью даже тусклая лампочка не выручает от одиночества. Ночь заглядывает в окна и подстерегает тебя на крыльце. А одиночества в таёжной избушке развеет даже малый огонёк свечи.

Эти воспоминания греют теплом, и от них ломит чуть руки. Как июльское солнце в зените над котловиной и январский мороз, который прихватывает пальцы на железе. Как постепенно становилась для меня тайга тем же домом, что и для Рожина и Акчина, Пустогачева и Фомичёва. Своим домом и огородом, куда можно было идти не раздумывая. Где не страшно было заночевать под любым кедром в любое время года. Как стал родным лесхоз, и как поднимались посадки кедра вопреки всему. И где люди, как и во всём мире, помнят добро и прощают промахи. Все триста пятьдесят тысяч гектаров тайги были родными и знакомыми. Сеть речек,

которые поили ключевой водой, зеркальца озёр в разломах и горные хребты, которые напоминали о вечности.

Гой ты Русь... (о ностальгии)

Русским положено ностальгировать. «Гой, ты Русь моя родная, хаты...» Мороз крепчает к ночи и россыпь огоньков, внезапно вынырнувших в чёрной долине, когда поднимаешься на вершину сопки, сразу согревает. Хаты еле видны в ночи даже на чистом снежном фоне, одни огоньки цепочками улиц и кучками слобод. Но белые дымы печек ясно вырисовываются на фоне звёздного неба, мороз заставляет дым устремляться ввысь строго вертикальным столбом. Греет. Но свет в окошке важнее.

Свет маленького огонька лампочки над крыльцом. Свет в кухонном окошке, когда электричество выключат до утра. Это тот же свет керосиновой лампы, который грел в детстве длинными зимними ночами на Севере. Между двумя периодами жизни прошло более 16 лет, а электричество так и выключают в семь вечера, чтобы включить в семь утра. И на сердце становится сладко, оно помнит, что не важно, когда дадут электричество, а когда вдруг выключат на целый месяц в самое холодное время.

В леспромхозе закончилась солярка на станции. Закончилась в самый разгар зимы в январе. Дав людям отпраздновать новый год с телевизором и огоньками на ёлке в поселковом клубе, администрация заглушило дизеля. Короткий зимний день стал ещё короче. Солнце ненадолго выглядывало из-за одной сопки, чтоб через несколько часов спрятаться за другую. Перестали работать водопроводные колонки по улице, перестал работать ретранслятор телевидения, пропала телефонная связь, закрылась школа. И только бензиновый движок, заводимый на короткое время в лесхозе, давал энергию радиостанции и был единственной связью с внешним миром. Дорога к райцентру через два перевала переметалась и на её прочистку требовалась техника и время. Народ продолжал также топить печки, ходить по воду на маленькую речку, гонять туда скотину поить, сидеть вечером при керосиновой лампе заправленной зимней солярой и укладываться спать пораньше. Шоком ни для кого это не стало, в том числе и для районной администрации. Рождественские и крещенские морозы не заставили спрятаться в избы, нужно было продолжать жить и работать. Короткий зимний день заставлял чуть поторопиться в бытовых мелочах, а вечером семьи собирались все в одной комнате с разными занятиями, но рядом с лампой. И было в этих семейных сборищах что-то правильное, когда дети не убежали в клуб, а родители не сидели, уставившись в телевизор. Появилось время для откровенных разговоров, рассказов и простого общения. Никто из взрослых не прервал свою деятельность, хоть дети и продлили свои каникулы. Взрослые работали в лесу. Мороз с оглушительным треском рвал стволы берёз и осин. Снег ослепительно сверкал под лучами полуденного низкого солнца и, если не останавливаться, можно любоваться этой дикой красотой куржака на ветвях, удивительных кристаллов на отдушинах ручьёв и пронзительным скрипом снега под ногами. Но лыжи, подбитые камусом, не скрипели, а останавливаться в такой мороз можно только на пару минут, чтоб прикурить. Дизтопливо появилось только к концу месяца после поступления финансирования из России в лесохозяйственное объединение республики и, два движка на электростанции запускали ещё неделю по примеру романтической повести «72 градуса ниже нуля». Посёлок выстоял и постепенно забыл эту эпопею.

Может отсутствие электричества и короткие дни были мне привычны с детства по житью на севере? Когда запах керосина в хате был родным и тёплым, треск поленьев в печи и красный рассвет в окошке, когда все уже на работе. Когда немного подросшими, с братом запрягали коня в сани с бочкой ещё посвету, ехали на Енисей, а воду в избу и баню ведрами таскали уже в сумерках. Когда пушистый снег был в радость, потому что это перед потеплением, а огрести ворота не составляло труда. «Хаты в ризах образа...» Глаза Николая угодника с почерневшей иконы в углу над казёнкой, которая делила избу, останутся со мной навсегда, как воспоминание о студёных зимах. И у каждого из леспромхозовских в детстве была похожая закладка.

Сегодня ночью был дождь, и звуки дождя бьющего по листве, по травам, стучащего по крыше – это тоже ностальгия. Длинные дожди зарядили в самый неподходящий момент, в сенокос. Земля набухла от влаги лившейся мелкой пылью с небес. Травы склоняли головы, украшенные крупными чистыми каплями. Пихты опустили свои лапы, и только под кедром оставалось сухо. Когда же и он не выдержал натиска небес, по стволу побежали ручьи подмочив толстую подстилку из мха и опавшей хвои, мы засобирались домой. Реки мгновенно превратились из светлых журчащих на перекатах струй в бурные мутные потоки. Переходить в брод стало опасно. Я шёл километров пять по одной стороне, преодолевая прижимы по верху, срезая излучины по набухшим болотцам. Небо чуть просветлело, приподняв тучи, но солнце так и не показалось в тот день. У покосившегося моста меня ждала машина, и я отправил её за остальными. Мы покурили с водилой, у которого вдруг стали грустные глаза. После гор на таджикско-афганской границе Вовке Панову эти ручьи и перевалы казались уже родными и естественными, а река, которую он пересекал с тех пор несчитанное количество раз, была ему как своя комната, где он знал каждый камушек.

– Поедим со мной или пешком пойдёшь?

– Да намучал я ноги уже. Я вас тут ждать буду.

– Давай, – он оставил мне ещё одну папиросу и хлопнул дверкой. Зил-Труман рыкнул и полез в воду.

Какое-то душевное родство между людьми с отсутствием бытового рационализма в жизни, которых в посёлке было немного, постоянно сводило их вместе на разных путях. Когда делались вылазки в сорокаградусный мороз или в период, когда все дороги затапливались, а мосты оказывались снесены, только несколько таких людей и были способны действия в дальних командировках.

Месяц дождей сорвал сенокосы, усложнил лесозаготовки и сделал сельские огороды болотом. Когда выглянуло солнце и заиграло в тех каплях дождя на всём, вдруг стало ясно – оно не на время, дожди закончились. Земля несколько дней приходила в себя, а тайга вдруг вздохнула полной грудью. Сопки парили всего несколько часов, и на следующее утро туман сполз в долины рек. Всё встряхнулось от сна и пошло жить заново. Заново накладывались перекрытия и дорожная одежда на сломанные мосты, заново косилось сено взамен сгнившему, заново рассматривались планы летних лесозаготовок. Со сплавной конторой дела по снесённым штабелям были улажены за счёт помощи в мелиорации. Всемирный потоп был кем-то отложен, человечество получала ещё один шанс, в который уже раз. Небо вдруг прыгнуло высоко вверх и разлилось глубокой синью – Голубой Алтай. «Не видать конца и краю только синь сосёт глаза...»

А для счастья и комфорта оказываются и не важны все эти внешние факторы, потому что есть закалка детства без света и с дождями. И какая-то гордость, что ты можешь это всё спокойно преодолевать, помогает жить. И то, что на твоё житейское счастье не влияет погода, отсутствие света, тёплого туалета и... Неустроенность бывает при одиночестве в квартире, когда тебе не для кого и не с кем преодолевать все эти мелочи. А в старой кержачкой избе или леспромхозовском бараке всё было устроено лучшим образом. И может, потому нет той пронзительной ностальгии по родине, что не было и сумасшедшего желания «бежать, бежать отсюда!» при отъезде. Устроенность остаётся внутри тебя, как и хорошие воспоминания, и только иногда понимаешь необходимость посещения родных могил, чтоб отдать каплю должного тем, кто был до тебя и чьим продолжением ты являешься.

Люди Байгола

зима. Химдым

Турачак, и старая столовая на автобусной станции. Рубленая из круглых брёвен, почерневшая от времени, с длинными скамейками перед входом и заросшим черёмухой и калиной палисадником. Она стоит тут с самого начала освоения кедрового края, а может и с тех довоенных времён, когда Чуйский тракт имел ответвление в сторону Весёлой Сейки и Артыбаша. Золотая лихорадка тронула и эти места, но уже не диким американским наскоком, а плавным уходом старателей от властей в глухую тайгу и, установившимся все-таки, порядком на приисках. Пусть и лагерным.

– Привет, не подскажешь когда на Бийку автобус?

– Да вот сейчас в три часа и будет.

– А ты сам оттуда?

– Да. А ты туда работать?

– Да, вот решили с женой новую жизнь начать. А правда, что там семьдесят пять процентов населения судимые?

Такой вопрос застал меня врасплох. Первые годы на Бийке я не вникал в социальное положение односельчан, для меня они были все равно интересны, а прошлое тут никто ворошить не любил. Как оказалось позднее, именно по причине тюремного и лагерного прошлого многих. Но была определённая категория жителей, которых не касалось это прошлое. У них оно было своё, не менее драматическое и интересное. В посёлке тесно переплетались старинные законы тайги и лагерные понятия, традиции алтайских лесных сёл и кержацкий устав.

Моё первое знакомство со вздымщиками, с людьми донельзя лесными, состоялся к концу моей первой зимы. Верхний склад на Башламе до весны должен был успеть выпластать все деляны, вырубка росла и ширилась. Начальство торопилось до той поры пока зимник еще стоял. Дни становились длиннее, и солнце уже кое-где съедало грязный от кусочков древесной коры и тракторного мазута снег. Сначала падали вековые кедры, затем подбирались по визиру и пихтач с берёзами на дрова. У Химдыма закончилась вывозка живицы, маленький отпуск, вздымщиков направили на лесозаготовки. Вальщиками и огрѣбщиками. Угадал ко мне в бригаду Макар-честэм, испитой русский человек, который уж и забыл, что был русским. Фамилия его Макаренко ему ничего не говорила, он был из того поколения, что покалечила война, детдомовский, вывезенный из-под немецкого наступления. У него и имя было нейтральное – дядя Ваня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.